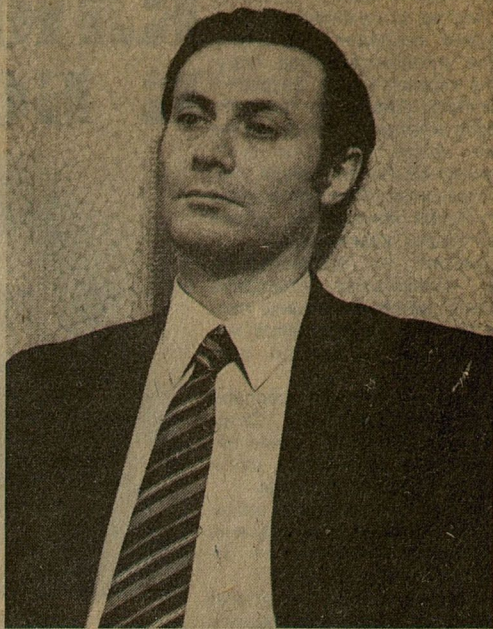

Встреча с интересным
человекомНародный артист РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР им. братьев Васильевых
Юрий Мефодьевич СОЛОМИН

Семь долгих суток ехал выпускник одной из читинских школ в Москву. Ехал с одним, но страстным желанием — стать актером. С тех пор прошло без малого двадцать восемь лет. Сегодня народного артиста РСФСР Ю. М. Соломина знают и любят зрители в нашей стране и за рубежом. Сегодняшний день актера — репетиции и спектакли в Малом театре, съемки в кино, на телевидении, записи на радио, преподавательская работа в театральном училище... И так сегодня и каждый день...

«С самим собой
зачем лукавить?..»

— Юрий Мефодьевич, вы и ваш брат Виталий оба стали актерами, оба состоите в труппе прославленного Малого театра. Скажите, это что — сговор братьев?

— Никакого сговора не было и не могло быть: Виталий моложе меня на шесть лет, и в ту пору, когда я решил стать актером и собрался в Москву, ему едва двенадцать исполнилось. Просто каждый из нас, независимо один от другого, избрал свой путь, и эти пути совпали.

— Родители, верно, видели иним ваше и Виталия будущее?

— Да. Отец и мама были музыкантами, учили музыке детей и хотели, чтобы мы с братом продолжили их дело.

— И как же проявилась в детстве будущая «болезнь»?

— Еще учась в первом классе, пришел я во Дворец пионеров (жили мы тогда в Чите) и стал участвовать в спектаклях детского кукольного коллектива. Помню, играл... барсука, другую живность. А однажды, два года спустя, наш руководитель, актер местного театра Земпов — он очень любил заниматься с детьми — предложил нам сыграть в драматических отрывках. Стали выходить на сцену «вживую». Подготовили отрывки из повести Тургенева «Бежин луг», и на смотре самодеятельности был успех. В этом же коллективе играл, помню, Лисовского в «Аттестате зрелости», Стаховича в «Молодой гвардии», Бессеменову в «Мещанках». А дальше? В 1949 году увидел фильм «Малый театр и его мастера». Впечатление было огромным. Окончательно определился выбор не только будущей профессии, но и училища, в которое решил поступить. Через четыре года окончил школу и послал документы в Москву...

— Кинофильм «Адьютант Его Превосходительства» стал началом вашей большой и активной работы в кино. Каким было это начало? Наверное, оказалось не легким утвердиться на такую большую и интересную роль?

— До «Адьютанта Его Превосходительства» мне уже довелось сниматься. В одной из ролей — гестаповского офицера в картине «Сильные духом» — и заприметил меня режиссер Ташков. И когда через несколько лет он приступил к работе над своим фильмом, то пригласил меня. Но не на главную роль. Лишь позже была проба на Кольцова, и я был утвержден. К слову сказать, трудности возникли в связи с этим... у режиссера. Дело в том, что автор сценария будущего фильма видел Кольцова совсем иным. Но все обошлось, Евгений Иванович Ташков отстоял меня.

— Затем последовали приглашения в такие фильмы, как «Инспектор уголовного розыска», «Даурия», «Четвертый», «Блокада», и многие другие. Мне часто приходилось слышать (да и читать), что после «Адьютанта Его Превосходительства» режиссеры стали просто эксплуатировать индивидуальность актера Соломина. Выражалось сожаление по этому поводу. Насколько верны такие утверждения?

— Ну, во-первых, нет в природе двух одинаковых людей, потому не приходится говорить о какой-то однозначности сыгранных мной персонажей. Во-вторых, мои герои живут и действуют не только в разное время, но и в разных обстоятельствах. И значит, просто невозможно играть одно и то же.

— Скажите, пожалуйста, а кто настоящий судья актерской работы — критик ли, зритель?.. (Перебивает): — Сам актер. Он себе судья самый строгий, самый искренний. С самим собой зачем лукавить? С таким так не знает актера, его возможности, как он сам. Зритель, естественно, корректирует поведение актера на сцене, но идти на поводу у зрителя не следует. Сидящие в зале люди — они ведь по-разному, каждый субъективно — воспринимают персонажей спектакля: кто-то разумно, кто-то через эмоциональный ряд. И если актер будет учитывать абсолютно все, он потеряет главное — контроль над поведением своего героя, личное отношение к нему.

— Наверное, это одна из немалых трудностей вашей профессии...

— Если не одна из главных трудностей. Ведь мало прийти к пониманию роли, мало критически воплотить то, что открыл в герое: надо еще быть твердым в зрелище своего понимания образа.

— А критикам вы что же, отказываете в объективности оценки актерского труда?

(Улыбаясь): — Провоцируете? А если серьезно, речь о другом. Плохо, если критика, даже объективная, существует ради критики. Как самоцель. А это чаще

всего и наблюдается сейчас. И даже когда хвалят, это не приносит радости, если чувствуешь, что критик лишь фиксирует (или даже подробно разбирает) твою работу, не сопереживая успеху или неудаче роли, спектакля. Все правильно, все грамотно — но то.

— Как вы думаете, почему такое происходит?

— Мне кажется, это происходит потому, что пишут о спектаклях люди случайные. Случайные в том смысле, что они не знают театра, в который пришли, других спектаклей этого театра, актеров, о которых пишут. Они не могут что-то сопоставить, чему-то удивиться в своем сопоставлении. Ведь если писать о спектакле, об актерах, то только в развитии — и коллектива театра, и отдельного актера. Только тогда и может возникнуть сопереживание критиком жизни театра, а не сухой разбор, рецензия, написанная по просьбе редакции. Чтобы писать о конкретном спектакле конкретного театра, надо хорошо знать все об этом театре, о его возможностях. Это как у врачей. Нельзя лечить какую-то болезнь без учета общего состояния.

— Юрий Мефодьевич, интересное наблюдение: актеры в кино иногда отказываются от неинтересных для них ролей, но не помню случая, чтобы актер подумал о режиссуре, с которой ему придется столкнуться.

— Чтобы понять, что горячее — это больно, надо обжечься. Конечно, лучше сниматься у опытных режиссеров. Но, с другой стороны, разве не долг актера помочь молодому, начинающему режиссеру в его замысле, в стремлении утвердиться? Вообще же дело не в степени маститости того, кто ставит фильм, а в единстве эстетических взглядов режиссера и актера, в том, что объединяет их как художников в конкретной работе. Это в конечном счете определяет выбор ими друг друга для совместной работы.

— Но все-таки право окончательного выбора остается за режиссером. Вас, между прочим, однажды выбрал не кто-нибудь, а выдающийся режиссер мирового кино Акира Куросавы. Как это произошло?

— На роль Арсеньева в фильме «Дерсу Узала» японскому режиссеру предложили несколько кандидатов. И тут все лишний раз убедился, что Куросавы-сан (так впоследствии называли мы его на съемках) не только режиссер-творец, но и большой друг актеров. Познакомившись с актером и поговорив с ним, он не спешил, как это обычно бывает, сделать фото- и кинопробу, сказать «да» или «нет». Он пытался, мучительно пытался угадать актера. Угадать то, что скрыто за возможной робостью, за неверным движением рук, предательским комком в горле. И еще — вот уж чего у нас не бывало, не практиковалось! — Куросавы, чтобы лучше познакомиться с актерами, попросил: пусть покажут отрывки из фильмов, в которых снимались или снимались кандидаты на роль Арсеньева. И — я это подчеркиваю — из огромного доброжелательства к нашему брату актеру добавил: «Отрывки, выгодные для актеров».

Он просмотрел огромное количество сцен, целых фильмов, обнаружив при этом отличное знание нашего кинематографа, его мастеров. Когда дошла очередь до меня, художник-гример Сергей Васильевич Калинин, с которым мы работали на картине «Адьютант Его Превосходительства», предложил Куросаве посмотреть отрывок из этой картины. «Какую часть?» — спросил режиссер. «Первую серию», — ответил Сергей Васильевич. Показали Куросаве первую серию, и он... попросил показать ему вторую, затем третью... И так просмотрел все серии — за два дня. Потом были кинопробы, меня утвердили на роль Арсеньева.

— Юрий Мефодьевич, известно, что вы дебютировали как режиссер — и в театре, и в кино. Извините, но нас, журналистов, да и читателей тоже всегда интересуют подробности: как, что, где, когда, почему?

— Три года назад мы, группа актеров Малого театра, отдыхали в Болгарии. В программу отдыха входил приезд в город Толбухин и встреча с коллективом местного театра. Как-то вместе с директором театра Стефаном Димитровым и нашей актрисой Татьяной Петровой Панковой мы гуляли по городу. Зашла речь о работе. Димитров сказал о том, что хочет увидеть на толбухинской сцене «Лес» Островского. Я признался, что «Лес» — моя любимая пьеса. «Я как раз очень хотел, чтобы постановку осуществил кто-нибудь из «дома Островского», вашего Малого театра. Так, может

быть, вы и поставите?» — спросил Димитров. «Тут и говорить не о чем!», — решительно заявила Татьяна Петрова. Потом был официальный запрос, и я уехал в Болгарию ставить этот спектакль.

— Ваши впечатления от этой поездки?

— Ну, прежде всего — окружавшие меня люди. Актеры. Поразительное знание Островского. Собственно, рождение болгарского национального театра состоялось при активном участии русской классической драматургии. И эта тесная связь двух славянских театральных культур продолжается вот уже более ста лет: многие из выдающихся болгарских актеров и режиссеров прошлого учились в Петербурге... Современный болгарский театр отличается высокой профессиональной культурой, блистательная подготовка актеров.

— Скажите, пожалуйста, а языковой барьер существовал?

— Практически — нет. Мы хорошо понимали друг друга. Я лишний раз убедился, что актеры — племя интернациональное, они всегда найдут общий язык, всегда поймут друг друга. И разумом, и сердцем. (Улыбаясь): Между прочим, болгарские друзья очень уважительно отнеслись к моему... отчеству — Мефодьевич. У них ведь есть — в мае — праздник Кирилла и Мефодия, музей в Софии и орден Кирилла и Мефодия...

— Теперь о постановке фильма.

— Позвонили из Свердловска и предложили снимать для телевидения одну из пьес Пристли. Снял 2-серийный фильм.

— Вы играли в своем фильме?

— Да, играл героя. Я догадываюсь, о чем ваш следующий вопрос. Дескать, хозяин — барин? Не угадали. Я лишь тогда сделал кинопробы, когда на телевидении мне сказали: «Роль-то ваша, вам бы и сыграть героя». Я ответил: «Сделаю кинопробы, и если сочтете эти пробы хорошими, буду играть. Если нет — буду пробовать других актеров». К слову сказать, в фильме снимались московские актеры, которых я хорошо знаю, поэтому проб практически не было.

— Итак, сразу два режиссерских дебюта — в театре и в кино. Значит ли это, что вы всерьез занялись режиссурой?

— Я бы сказал так: стремление лучше, глубже познать себя в деле, которому служу.

— Ваш сегодняшний день?

— Вместе с Евгением Яковлевичем Весником ставлю в нашем театре «Ревизора». Это третье прочтение пьесы. И, естественно, продолжаю преподавать в театральном училище имени Щепкина, где тружусь лет пятнадцать. Нынче веду курс.

— Теперь — на тему «Дома и семьи». У вас есть дети? Собираются ли они продолжить дело отца?

— Есть дочь Даша. Ей пятнадцать лет. Пока, мне кажется, она не думает о театральной карьере. Если всерьез захочет попытать себя в театре — возражать не буду. Чтобы потом не казнить себя.

— Как проводите досуг? Есть увлечения вне театра?

— Какие увлечения, о чем вы говорите! Вдохнуть некогда! Случается свободное время — читаю. Но это, как правило, «на ночь глядя»... По дому заботы — в магазин зайти за продуктами, помочь жене в уборке...

— И последний вопрос — о курьезах.

(Смеется): — Их столько было, что... ни одного не помню. Вы бы хоть предупредили, когда мы договаривались о встрече... Ну, вот хотя бы этот, не знаю, подойдет ли. В прошлом году играли мы в Праге «Царя Федора». Привезли огромное количество чехословацких костюмов. Но «шапку Мономаха», в которой я играю, упаковывать не стали, чтобы не повредить. Нес ее в руке. Даже не в корбке, а так, в открытом виде. Подхожу к таможеннику. Он с недоумением уставился на шапку, сверкающую «бриллиантами», а потом перевел взгляд на меня: что за шутник такой, открыто решил провезти драгоценности. Посмотрел на меня и вдруг... заулыбался и сделал широчайший приглашающий жест рукой: пожалуйте. И добавил: не переставая улыбаться: «Телегин, а?». Оказывается, совсем недавно по чехословацкому телевидению про шел фильм «Хождение по мукам». Таможеник сразу понял, что за «контрабанду» проносил я через контроль.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.